

© 1994 г. ЧАННОН Р.

О НОВОМ ПОДХОДЕ К АНАЛИЗУ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ*

1. ПОРОЖДАЮЩАЯ ГРАММАТИКА, ТРАНСФОРМАЦИОННАЯ ГРАММАТИКА И РЕЛЯЦИОННАЯ ГРАММАТИКА

С выходом в свет в 1957 г. книги Хомского "Синтаксические структуры" [1] открылось новое направление в изучении синтаксиса. Хомский отошел от позиций эмпиризма, господствовавшего в XIX и в первой половине XX в., предложив рационалистическую и менталистскую ориентацию в лингвистике. В его теории целью лингвистического описания была провозглашена компетенция носителя языка (что знает о языке каждый его носитель), противопоставляемая употреблению (как носитель использует язык).

В рамках этой системы интерес к компетенции говорящего естественным образом привел к порождающей модели, которая предполагает выведение всех наблюдаемых (поверхностных) структур из исходных (глубинных) согласно правилам данного языка. Такая модель противопоставляется эмпиристскому описанию языка, которое ограничивается классификацией наблюдаемых фактов на основе операционных принципов. Модель Хомского является также трансформационной, поскольку она опирается на определенный класс правил, трансформации, которые на разных этапах вывода преобразуют абстрактную структуру, лежащую в основе предложения, в поверхностную (встречающуюся в высказываниях, текстах) структуру. Различия между соотносенными (как правило, синонимичными) высказываниями приписываются различиям в деривации этих высказываний от единой исходной структуры к множеству поверхностных структур. При анализе некоторых описаний языка, не отражающих порождающей модели, также использовался трансформационный принцип: это дает возможность показать отношения между соотносительными рядами высказываний, хотя менее формальным образом и в меньшей степени.

За 20 с лишним лет, прошедших после издания "Синтаксических структур", было накоплено много дополнительных знаний о синтаксических явлениях, о закономерностях построения теории синтаксиса и об ограничениях на то и на другое. За это же время возник целый ряд как фундаментальных, так и более частных вопросов, которые разделили синтаксистов на противоборствующие лагеря. Среди них в первую очередь можно назвать проблему соотношения синтаксиса и семантики (в частности, вопрос о том, существует ли отдельный синтаксический уровень глубинной структуры), проблему ограничений на мощностность и на типы возможных трансформаций и соотношения трансформаций со структурой синтаксической базы¹. Так как дебаты по этим проблемам, в основном не касаются темы данной работы, мы не будем на них останавливаться. Возник, однако, другой вопрос, который для настоящей работы

* Автор выражает свою искреннюю благодарность А.Е. Кибрику и С.В. Кодзасову, прочитавшим первый вариант этой статьи, за очень ценные указания и предложения, которые значительно улучшили работу, и за помощь, оказанную в процессе ее написания. Ответственность за все погрешности и неточности, конечно, несет автор.

¹ Здесь имеются в виду, главным образом, споры о "генеративной/интерпретивной семантике" и о "гипотезе сохранения структуры" (см. [2—13]).

является важным, — о признании в грамматике структурной роли, которую имеет в предложении именная группа. Данный вопрос был поставлен в современной синтаксической теории еще в 1966 г. Ч. Филлмором, и грамматическая теория, основанная на его идеях, получила название "падежной грамматики"². В падежной грамматике именные группы, сочетающиеся с данным глаголом, считаются реализациями семантических аргументов предложения. Каждый аргумент имеет семантическую роль, например, агент, объект, инструмент и т.д. При исследовании синтаксического компонента грамматики можно непосредственно обращаться к сведениям о ролях аргументов в предложении; синтаксические правила и процессы, в свою очередь, зависят от ролей различных аргументов. Трансформация образования подлежащего превращает один из аргументов в подлежащее. В зависимости от исходной синтаксической роли продвинутого аргумента определяется соответствующее залоговое значение (например, "пассивным предложением" в падежной грамматике является предложение, в котором в качестве подлежащего выбран объект). Тот факт, что в падежной грамматике зафиксирована роль именной группы при порождении предложения, конечно, имел большое влияние на форму и содержание синтаксического описания языка вообще и отдельных языков в частности. Это привело к созданию синтаксической теории, во многом отличающейся от предыдущих.

Но одновременно с выявлением крайне интересных возможностей, подсказанных падежной грамматикой, обнаружили и некоторые проблемы, оказавшиеся, в конце концов, непреодолимыми в рамках этой теории. К ним относятся нечеткость корреляции между синтаксисом и семантикой, неясность ответа на вопрос о том, следует ли допустить возможность обращения к семантической информации и как ее использовать в синтаксисе, трудности определения и ограничения ролей аргументов и создания адекватных тестов для определения роли данного аргумента. Категориальная (ролевая) информация об аргументах должна была служить связующим звеном между синтаксисом и семантикой, но поскольку такие основные вопросы, как инвентарь возможных типов аргументов и отнесение данной именной группы к тому или иному типу, не поддавались решению, подобный подход не мог обеспечить решения ряда важных синтаксических проблем. Тем не менее Филлмор внес очень важный вклад в теорию трансформационной порождающей грамматики, введя в синтаксический анализ реляционные (подлежащее, дополнение) и семантико-реляционные (агента, инструмента и др.) понятия.

Различия в путях решения этих вопросов привели к образованию нескольких "независимых" теорий грамматики, но все они так или иначе восходят к теории Хомского, являясь порождающими и трансформационными, в вышеприведенном употреблении этих терминов.

Одновременно с ростом и развитием трансформационной порождающей грамматики и появлением в ней разных направлений в течение этих двадцати лет расширилась сфера приложения этой теории, возникшей на материале английского языка, к более широкому кругу языков, хотя наиболее тщательно изученным языком в рамках указанной теории остается английский. В число языков, которые рассматривались с этой точки зрения, входят славянские (наряду с многочисленными статьями и диссертациями им посвящены некоторые сборники и монографии, в частности [17—19]).

Хотя некоторые положения трансформационной порождающей грамматики были пересмотрены в результате попыток анализа разных языков мира, тем не менее многие ее черты (как фундаментальные, так и второстепенные), как оказалось, не позволяют дать адекватного описания синтаксиса ряда языков, включая и славянские. То, что эта теория на ранних этапах развивалась преимущественно на материале английского языка, оставило на ней определенный "английский отпечаток". Это и послужило основой критики со стороны лингвистов, занимавшихся другими языками.

² Основополагающими работами "падежной грамматики" являются [14—16].

Наиболее очевидной чертой главных течений³ трансформационной грамматики, которые носят "английский отпечаток" и не подходят для описания славянских языков (за исключением, может быть, тех из них, которые утратили именное склонение), является их преувеличенное внимание к линейному порядку и отношениям доминанции (в результате этого многие отношения и трансформации определяются в терминах порядка элементов в цепочке) и общее отсутствие интереса к функциям именных групп (маркирование их падежными окончаниями мыслится как довольно низкоуровневый второстепенный процесс) [8, 5]. Именно в этом отношении падежная грамматика представляет собой исключение, и поэтому она привлекла внимание со стороны славистов.

Недавно, однако, появилась новая модель грамматики, которая, как представляется, больше подходит для описания языка вообще и славянских языков в частности. Эта модель, развиваемая Перлмуттером и Посталом, называется реляционной грамматикой (relational grammar)⁴. Реляционная грамматика, как и падежная грамматика, отличается от главных направлений трансформационной грамматики в том важном аспекте, что она ставит в центр внимания отношения (реляции), в которые вступают именные группы в предложении. Эти реляции рассматриваются как исходные элементы грамматики. Однако реляционная грамматика отличается от падежной тем, что реляции, с которыми она имеет дело, являются синтаксическими, а не семантическими. Реляционная грамматика, таким образом, занимает вполне определенную позицию в отношении вопроса о том, какие бывают реляции и как они отражаются в грамматике, и в то же время избегает таких проблем падежной грамматики, как связь между синтаксисом и семантикой, приемлемость семантической информации в синтаксисе и выработка диагностики для определения роли данной именной группы⁵. В реляционной грамматике многие правила формулируются в терминах синтаксических реляций и описывают изменения в этих реляциях, а не на основе линейного порядка и изменений в этом порядке. Это также означает, что синтаксические изменения разных типов, которые раньше даже нельзя было сформулировать, теперь могут быть выявлены и строго описаны. Ниже дан очерк реляционной грамматики и примеры анализа некоторых явлений в рамках этой теории.

II. ОЧЕРК РЕЛЯЦИОННОЙ ГРАММАТИКИ

Реляционная грамматика основана на предположении, что реляции (функции), выражаемые именными группами в предложении, представляют собой исходные, неопределяемые понятия грамматики, что это реляции необходимо включать в грамматическое описание, что они определяют или ограничивают деривационную историю предложения и что ими управляют универсальные законы и принципы (которые, в свою очередь, требуется сформулировать), лежащие в основе грамматик

³ Под термином "главные течения трансформационной грамматики" подразумеваются широко распространенные варианты теории, в частности то, что называется "расширенная стандартная теория" и генеративная семантика.

⁴ Реляционная грамматика восходит к трансформационной и порождающей грамматике, но эта модель развивалась так, что термины "трансформационная" и "порождающая" в том виде, как они воспринимаются в главных течениях трансформационной грамматики, по отношению к реляционной грамматике не пригодны и не употребляются. Реляционная грамматика в настоящее время быстро развивается и подвергается изменениям, и тот ее вариант, на котором базируется настоящая работа, представляет собой некоторый этап развития, в целом он сохраняет актуальность и отличается от дальнейших вариантов только деталями, которые здесь не существенны. В частности, за последнее время очень быстро развивались формальные средства реляционной грамматики, но правила и примеры даны у нас неформально для простоты изложения и удобства чтения.

⁵ Недавно, однако, были попытки заполнить пробел между намеренно синтаксическим подходом к изучаемым реляциям и семантическими реляциями, существующими в абстрактном представлении значения данного предложения. Об этих попытках см. в примеч. 7.

человеческих языков⁶. Выделение реляций в той или иной степени совпадает с традиционной классификацией именных групп по членам предложения. Среди синтаксических реляций, которые выделены к настоящему времени, находятся реляция подлежащее (subject), прямое дополнение (direct object) и адресатное косвенное дополнение (indirect object). Именно признание этих реляций играет главную практическую роль в выделении реляционной грамматики из основных течений трансформационной порождающей грамматики. Своей попыткой воспользоваться лингвистической информацией этого типа реляционная грамматика напоминает падежную грамматику, но в падежной грамматике рассматриваются семантические реляции, тогда как в реляционной грамматике рассматриваются синтаксические⁷. Таким образом, она признает, что именные группы обладают синтаксической функцией, или реляцией, в предложении, которому они принадлежат, а не только представляют лишь синтаксическую категорию (именную группу). Эта реляция, кроме того, играет важную роль в синтаксисе, поскольку выражена эксплицитно: она становится доступной синтаксическим правилам, а эти последние могут воздействовать на реляцию, изменяя ее.

Хомский [3, с. 61—70, 208—209] дает определение реляций "подлежащее" и "прямое дополнение" в терминах НС-структуры/отношений доминанции: подлежащим является та именная группа, над которой непосредственно доминирует узел S ([NP], S)), тогда как прямым дополнением является та именная группа, над которой непосредственно доминирует узел VP ([NP, VP]), но в дальнейшем он не пользуется этими реляциями ни в описании синтаксических процессов, ни в формулировках трансформаций. В основном он использует их для формулировки селекционных (сочетаемых) ограничений. Конечно же, он выдвигает аргументы против эксплицитного включения реляционной информации в переписывающие правила или в показатели НС-структуры по той причине, что такая информация является избыточной, поскольку она уже представлена в показателях НС-структуры, при условии, что имеются подходящие определения реляций. Итак, в трансформационной грамматике даже нет прямого способа ссылаться на подлежащее, прямое дополнение и т.д. как на реляции; можно только их выводить из определенных конфигураций категориальной информации. Трансформации, однако, представляют собой операции на терминальных цепочках и не имеют доступа к уровням категориальной структуры, которые позволили бы отождествить, в рамках хомскианских определений, указанные реляции. Следовательно, в трансформационной грамматике трансформации не могут ни с точки зрения теории, ни с точки зрения средств записи отразить такие реляции, как подлежащее, прямое дополнение. К тому же Хомский утверждает [3, с. 116]: "Правила категориального компонента выполняют две совершенно отдельных функции: они определяют систему грамматических отношений и задают порядок элементов в глубинных структурах" (разрядка моя.—Ч.Р.).

Включение этой второй функции в число целей переписывающих правил подвергалось критике со стороны некоторых лингвистов, см. например, работу С.К. Шаумяна и П.А. Соболевой [21], которые предлагают неупорядоченную базу,

⁶ До сих пор вышло очень мало работ о реляционной грамматике. Кроме отдельных статей, можно назвать сборник [20].

⁷ Как было отмечено выше в примеч. 5, недавно в реляционной грамматике была предпринята попытка установить связь между синтаксически мотивированными реляциями, о которых здесь идет речь, и семантической структурой. Эта попытка идет по линии вскрытия соответствий между семантическими реляциями и исходными синтаксическими термовыми значениями посредством формулирования универсальных законов приписывания именным группам исходных термовых значений. Подчеркивается, что такие законы действительны только для исходного распределения термовых реляций и что следующие за этим этапом синтаксические изменения могут существенно изменять реляции, тем самым затемняя соответствие между синтаксическими и семантическими реляциями. Эти изменения в синтаксической функции часто создавали трудности для падежной грамматики, в которой аргументы сохраняли при изменении синтаксической функции свои семантически мотивированные ярлыки и не являлись полноценными синтаксическими единицами (см. выше).

порождаемую НС-правилами. Однако Хомский отстаивает свою позицию. Что касается настоящей работы, то для нее важен тот момент, что невозможность непосредственно отразить реляционную информацию в трансформациях и вытекающая отсюда необходимость формулировать их лишь на основе категориальной информации, при том, что правила, производящие категориальную информацию, одновременно обязательно придают ей определенный порядок, равносильны определению обсуждаемых реляций в терминах п о з и ц и и , а не в терминах отношений доминации или в терминах других отношений (это эквивалентно утверждению, что подлежащим является именная группа, стоящая непосредственно влево от глагола, и прямым дополнением является именная группа, стоящая непосредственно вправо от глагола, а не именные группы, над которыми непосредственно доминирует узел S и узел VP соответственно).

Кроме того, что в расширенной стандартной теории обсуждаемые реляции кажутся почти избыточными [5], определения этих реляций в ней предполагают, что исходный порядок составляющих, полученный в результате действия НС-правил, одинаков во всех языках и тождествен английскому порядку [3, с. 60—70], что является далеко не бесспорным. Однако даже приняв такое допущение для русского языка, мы увидим из приводимых ниже примеров 1—6 и 7—12, что предлагаемые Хомским определения реляций, о которых идет речь, неадекватны. Сам Хомский пишет [3, с. 150—151]: «В силу этого представляется, что помимо понятий поверхностной структуры (типа "грамматического субъекта") и глубинной структуры (типа "логического субъекта") существует еще более абстрактное понятие "семантической функции", еще не объясненное».

Но чтобы иметь возможность оперировать понятием "субъект" (подлежащее), надо эксплицитно признать и включить в теорию грамматики эту и другие реляции; именно на вопросы типа поставленного Хомским пытается ответить реляционная грамматика.

Часто утверждается, что возвратные элементы в русском языке всегда относятся к подлежащему. Хотя и можно найти исключения из этого правила (например, *У меня с собой нет ручки, Нет пророков в своем отечестве, Мне жаль свою собаку*), оно описывает подавляющее большинство случаев и в общем сохраняет силу в простых предложениях, за исключением определенных типов конструкций. Выразить этот факт в так называемой "расширенной стандартной теории" ("extended standard theory") трансформационной грамматики можно только одним способом: путем включения именной группы в трансформацию рефлексивизации: эта группа располагается непосредственно влево от глагола (... NP V...) и выступает в качестве антецедента возвратного элемента, так как только этим способом определяется реляция "подлежащее". Такой способ определения подлежащего, однако, оказывается неадекватным для русского языка даже в том случае, если мы ограничим описание "глубинным", "немаркированным", или "стандартным" порядком слов. Это ясно видно из следующих примеров, где возвратный элемент явно относится к слову *он*, а не к именной группе, непосредственно предшествующей глаголу:

- 1) *Он каждый день писал своей матери.*
- 2) *Он весь день читал своим детям.*

В качестве свидетельства против возможного контрутверждения, что словосочетания *каждый день, весь день* первоначально возникают в другой позиции в предложении, а потом передвигаются в непосредственно предглагольную позицию, можно привести предложения, в которых соответствующие наречия, как предполагается, порождаются в "нейтральной" предглагольной позиции. Это показывает, что элементы данного типа могут вклиниваться между подлежащим и глаголом:

- 3) *Он ежедневно писал своей матери.*
- 4) *Он часто писал своей матери.*
- 5) *Он долго читал своим детям.*
- 6) *Он часто читал своим детям.*

Если же понятие подлежащего признается и принимается в синтаксисе, то синтаксические правила могут непосредственно им оперировать и проблема формулирования правил типа тех, о которых идет здесь речь, решена. Аналогичная проблема возникает в связи с определением прямого дополнения, например, в формулировке пассивной трансформации, которая нуждается в идентификации как прямого дополнения, так и подлежащего. И в этом случае правило, опирающееся на линейный порядок, не годится, так как нет гарантии того, что именная группа, непосредственно следующая за глаголом, является прямым дополнением, даже если она стоит в винительном падеже. К тому же, как только что было отмечено, и подлежащее нельзя надежно определить по позиции. Это можно видеть на примерах 7—8 (ср. примеры Климы [22])⁸:

7) *Он забыл весь тот день.*

8) *Он читал весь тот день.*

Хотя словосочетание *весь тот день* занимает одинаковую позицию в обоих предложениях (а также совпадает по форме и падежу), только в примере 7 оно является прямым дополнением. Следовательно, только от примера 7 можно образовать пассивный вариант (ср. 9), а от 8 нельзя (ср. 10):

9) *Весь тот день был забыт.*

10) **Весь тот день читался/был прочитан.*

Неприемлемость примера 10 не может быть обусловлена лексическим ограничением при глаголе *читать*, которое препятствует его пассивизации, так как наблюдаются приемлемые предложения типа 12, которое образовано от 11:

11) *Он читал эту газету.*

12) *Эта газета была прочитана (читалась).*

Приемлемость 12 объясняется тем, что в 11 есть прямое дополнение. Итак, если в грамматике используется понятие "прямое дополнение" и поэтому существует возможность прямого обращения к носителю этой реляции, совершенно легко и естественно можно формулировать правило, трансформирующее прямое дополнение в подлежащее. Приемлемость предложений 9, 12 и неприемлемость 10 вытекают, следовательно, из формулировки этой трансформации. Так как в 7, 11 представлены прямые дополнения, они могут быть преобразованы в пассивные варианты (9, 12), а так как в 8 нет прямого дополнения, из него нельзя образовать пассив: данный подход, таким образом, автоматически и естественно объясняет, почему 10 — неграмматичное предложение.

Имеется еще одно, даже более существенное преимущество использования грамматических реляций в формулировке трансформации пассивизации. Суть процесса пассивизации становится одинаковой для всех языков, пользующихся трансформацией: прямое дополнение становится подлежащим. Специфические для данного языка особенности этой трансформации (типа изменений в порядке слов и их морфологическом оформлении и т.д.) надо все равно упоминать, но ясно, что они являются второстепенными факторами в общей картине пассивизации. А именно такие второстепенные специфические явления — это бросается в глаза в поверхностной структуре — и служили основой предыдущих трансформационных (и многих не трансформационных) описаний пассивизации, в результате чего в этих описаниях не удавалось отразить суть дела и формулировки пассивизации сильно отличались друг от друга, в зависимости от языка.

⁸ Пример 7 приведен в том виде, как он дается в работе Климы: вместо 8 у Климы дается: *Он спал весь день*. Глагол *спать* заменяется в данной работе потенциально переходным глаголом, чтобы показать, что отсутствие пассивного варианта не связано со свойственной глаголу *спать* непереходностью. Итак, различительным признаком для примеров типа 7 и 8 не может служить классификация глагола в словаре по переходности/непереходности. И Клима дальше приводит двусмысленное предложение, для которого возможны обе обсуждаемые здесь интерпретации: *Он проспал весь день*.

Основными тремя реляциями, признаваемыми реляционной грамматикой, являются подлежащее, прямое дополнение и адресатное косвенное дополнение, обозначаемые для удобства ярлыками 1 (единица), 2 (двойка), 3 (тройка) соответственно. Именная группа, выступающая в одной из этих трех функций, называется т е р м о м (term); именная группа, выступающая в какой-либо другой из возможных функций (инструмент, место, время и т.д.) — н е - т е р м (non-term). Реляции иерархически упорядочены так, что все термы имеют более высокий ранг, чем не-термы, а среди термов подлежащее выше по рангу, чем прямое дополнение, которое, в свою очередь, выше адресатного косвенного дополнения. В настоящее время нет сведений, которые позволили бы ответить на вопрос, имеется ли иерархическое упорядочение не-термов, и если да, то каково оно. Вышеуказанная иерархия имеет эмпирическое основание; она определяется наблюдениями над поведением термов относительно различных синтаксических правил и процессов ("параметров"). Чем выше в иерархии данная категория, тем "мощнее" она в синтаксисе. Например, все термы выше всех не-термов, и, как правило, только термы могут вызывать рефлексивизацию, кореференциальное опущение или глагольное согласование. Не все термы обязательно обладают всеми этими свойствами во всех языках (например, в русском языке рефлексивизация обычно вызывается только единицами, а никогда двойками или тройками⁹), но утверждается, что, как правило, не-терм не может вызывать такие трансформации в каком-либо языке (т.е. не-терм не вызовет рефлексивизацию, кореференциальное опущение, глагольное согласование и т.д.). Что касается термов, иерархия эксплицитно предсказывает, что относительно некоторых параметров, поведение, которое обнаруживает в данной ситуации 3, обнаруживает также 2 или 1, но не предсказывает обратного (хотя обратное может быть верно). Так, утверждается, что если в данном языке глагол согласуется с прямым дополнением, то в этом языке глагол согласуется также и с подлежащим. В то же время языки, обнаруживающие согласование с подлежащим, не обязательно имеют согласование также и с прямым дополнением. Далее иерархическая организация аргументов предполагает, что данный язык не может иметь, скажем, согласование глагола с единицей и с тройкой, не имея в то же время согласования с двойкой.

Изменение реляции, которой характеризуется данная именная группа, может быть вызвано синтаксическим правилом, меняющим ее место в иерархии. Такое правило называется п е р е о ц е н и в а ю щ и м п р а в и л о м (revaluation rule). Переоценивающее правило продвигает или понижает некоторую именную группу на новое место в иерархии реляций, вытесняя ту именную группу, которая прежде занимала это место. Такая вытесненная именная группа называется ш о м ё р о м (chomeur, от франц. *chômeur* "безработный"). Дальнейшая судьба этих вытесненных аргументов решается по-разному отдельными языками, но существенно и поучительно заметить, что в данном языке обычно наблюдаются некоторые общие принципы трактовки помёров, порожденных разными правилами (например, в английском языке они обычно переносятся в конец предложения, тогда как в русском маркируются творительным падежом).

Встречаются переоценивающие правила трех типов: продвижения (Advancements), которые смещают данный аргумент на более высокую (в иерархии) реляцию внутри предложения (например, ПАССИВ, который повышает 2, превращая ее в 1); п о н и ж е н и я (demotions), которые сдвигают данный аргумент на более низкую реляцию внутри предложения (например, ИНВЕРСИЯ, снижающая 1 до 3); и в о с х о ж д е н и я (ascensions), которые повышают подставляющую до реляции всей составляющей (например, ВОСХОЖДЕНИЕ ДОПОЛНЕНИЯ), причем

⁹ Имеются, конечно, некоторые хорошо известные случаи, когда кажется, что рефлексивизация вызвана аргументом, который не является 1, но в общем можно сказать, что антецедентом возвратного элемента обязательно должно быть подлежащее предложения.

остальная часть составляющей становится шумёром. Восхождения могут происходить либо внутри простого предложения, либо из придаточного предложения в главное.

Переоценки являются правилами, воздействующими на термовость (в данном случае путем повышения или снижения в иерархии); существуют, кроме того, и в с т а в к и (insertions), о п у щ е н и я (deletions) и с л и я н и я (clause unions), которые влияют на термовость другими путями. Вставки создают в предложении новые (семантически пустые) аргументы путем использования п у с т ы ш е к (dummies) (например, ВСТАВКА *THERE* в английском языке). Опушения устраняют составляющие из структуры; когда они устраняют именные группы, несущие грамматические реляции, то тем самым изменяют термовую структуру (например, КОРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ОПУЩЕНИЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО). Слияния склеивают "двухэтажные" (сложноподчиненные) предложения некоторых типов в "одноэтажные", причем синтаксические зависимые подчиненного глагола становятся синтаксическими зависимыми подчиняющего глагола (например, КАУЗАТИВ во многих языках); в таких ситуациях грамматические реляции всегда изменены в "низшем" (подчиненном) предложении и обычно изменяются и в "вышем" (подчиняющем) предложении. Интересным наблюдением, полученным при рассмотрении правил, изменяющих термовость, является то, что они все представляют собой правила, для аналогов которых в трансформационной грамматике, если они и существуют, может быть доказана цикличность¹⁰.

На основе довольно широкого исследования реляционных явлений в большом количестве языков различных типов Перлмуттер и Постал предлагают некоторые законы реляционной грамматики. Эти законы предполагаются не как правила отдельных языков, а как формулировки универсальных принципов грамматики или как общие ограничения на грамматики, которые в конкретных человеческих языках обязательно соблюдаются. Они, разумеется, должны подвергаться эмпирической проверке или изменению по мере продвижения в области познания грамматики вообще. Однако есть надежда, что после соответствующего уточнения и переформулирования они составят своего рода универсальную грамматику, определяющую границы возможных различий между естественными языками. В последующей части настоящей работы новая модель иллюстрируется на основе анализа некоторых синтаксических проблем.

III. ОБРАЗЦЫ РЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ РУССКОГО И ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

В этом разделе более конкретно рассматриваются некоторые продвижения и связанные с ними синтаксические явления на материале русского и других языков¹¹. В рамках настоящей работы мы обсудим три продвижения. Самым изученным и, наверное, самым распространенным является пассивизация, известная в большом числе языков, потому это продвижение может служить здесь удобным вводным примером¹².

В обычных описаниях разных языков пассивизация рассматривается только в контексте данного языка, как процесс, связанный с грамматическими приемами последнего. Хотя в этом есть доля правды и, конечно, специфику языка нужно обязательно учитывать, такой подход сосредоточивает внимание на тех моментах, которые являются частными, второстепенными, сопровождающими пассивизацию

¹⁰ Можно доказать, таким образом, что они циклические в тех разновидностях трансформационной грамматики, которые принимают понятие "цикл" и пользуются им. Одно время цикл признавался и в реляционной грамматике, однако теперь он в ней больше не используется.

¹¹ Продвижения в реляционной грамматике в основном соответствуют диатезам, о которых говорится в работах А.А. Холодовича, В.С. Храковского, В.П. Недякова и др. Сходства реляционной грамматики с их анализом языка многочисленны. Но так как задачей настоящей работы является описание реляционной грамматики как таковой, связи с другими теориями обсуждаться не будут.

¹² Это описание пассива основано на неопубликованных работах Перлмуттера и Постала.

особенностями данного языка, т.е. на внешних признаках пассивизации, а не на ее сути. Обращается внимание преимущественно на изменения в линейном порядке элементов в предложении, в маркировке именных групп и в глагольной морфологии и предполагается при этом, что пассивизация состоит в самих этих изменениях. Таким образом, при сравнении грамматик разных языков создается впечатление, что пассивизация в одном языке не имеет ничего общего с пассивизацией в другом, поскольку структура разных языков в этом отношении неодинакова.

Реляционный подход, наоборот, исходит из общего свойства пассивизации. Она рассматривается как продвижение прямого дополнения в подлежащее, т.е. 2 в 1. Все остальные синтаксические изменения подчиняются этому главному изменению и во многих случаях вытекают из него. Возьмем, например, пассивные трансформы в английском и русском языках (13—14):

13a) *The Council issued necessary certificate.*

13b) *The necessary certificate was issued by the Council.*

14a) *Совет выдал нужную справку.*

14b) *Советом выдана нужная справка.*

Общая формулировка пассивизации как продвижения двойки годится для обоих языков. Остается отметить изменения в поверхностном построении предложения: в английском — перестановка именных групп (порядок слов), вставка предлога *by* (именная маркировка) и спряжение в страдательном залоге (глагольная морфология), а в русском — только падежные окончания (именная маркировка) и спряжение (глагольная морфология). Но дело в том, что в грамматике английского языка все равно надо сформулировать общий закон порядка слов (его нет необходимости повторять в каждом отдельном правиле), согласно которому порядок именных групп не свободен, а фиксирован по реляционному принципу "подлежащее — глагол — прямое дополнение" (а не по синтаксическим категориям NP-V-NP). Это обобщение касается не только пассивных предложений, но и всех предложений английского языка, и поэтому оно не должно являться только подчастью пассивной трансформации, так как само по себе содержится в синтаксисе английского языка. Но если оно уже все равно есть, не надо его повторять в формулировке пассивной трансформации (и любой другой трансформации, изменяющей термовые отношения в предложении), ибо эта информация является избыточной. Поэтому специальные замечания о линейном порядке не нужны в формулировке пассивной трансформации, и вопрос об изменении порядка отпадает. Эта проблема исчезает не только в английском, но и в любом другом языке: либо в языке имеется "свободный" порядок слов (например, в русском) и поэтому вопрос об изменении порядка элементов при пассивизации не возникает, либо в языке имеется фиксированный порядок слов и тогда применяется та же аргументация, что и в английском. Только в случае языка смешанного типа (т.е. такого, в котором в активных предложениях имеется свободный порядок слов, а в пассивных фиксированный, или, наоборот, в активных фиксированный и в пассивных свободный) или в случае, когда в активных предложениях порядок фиксирован по одному принципу, а в пассивных по другому, порядок слов может считаться исконной частью пассивной трансформации, и только тогда в ее формулировке приходится упомянуть этот момент. Однако существование таких языков сомнительно.

Аналогичный аргумент можно применить при обсуждении вопроса об именной маркировке. В любом случае в отношении каждого предложения в грамматике русского языка следует отметить, что подлежащее стоит в именительном падеже, тогда как прямое дополнение в винительном. Этот факт не влияет на процесс пассивной трансформации. Отсюда следует с полной очевидностью, что после пассивизации бывшее подлежащее больше не будет стоять в именительном падеже и что бывшее прямое дополнение (новое подлежащее) потеряет винительную маркировку и приобретет именительную. Единственный непредсказуемый момент

пассивизации состоит в том, что бывшее подлежащее приобретает творительную маркировку; но, как мы увидим ниже, даже этот момент предусмотрен.

Остается изменение глагольной морфологии, которое, действительно, служит признаком пассивизации. Пассивизация, как и все продвижения, является в основном залоговой трансформацией, и поэтому она, естественно, отражается на форме глагола. Изменение глагольной морфологии служит показателем того, что исходные термовые реляции предложения изменились. Таким образом, реляционная грамматика, исходя из изменения термовых реляций, объясняет разные аспекты процесса пассивизации и объединяет описание пассивизации в разных языках мира.

Кроме пассивизации, в русском языке действуют и другие продвижения, хотя они менее известны и менее признаны, чем пассивизация. Одним из них является продвижение $3 \rightarrow 2$, представленное в английском языке, латыни, языке суахили. Эта трансформация продвигает 3 в 2, например, в английских примерах 15:

15a) *John sent a letter to Mary.*

15б) *John sent Mary a letter.*

В предложении 15a *John*-1, *letter*-2 и *Mary*-3, а в предложении 15б *John*-1, *Mary*-2 (3 продвигается в 2) и *letter*-2 (шомёр-двойка/бывшая двойка, вытесненная со своего места новой двойкой *Mary*). О том, что в предложении 15б *Mary* становится новой двойкой, свидетельствует порядок слов (*Mary* стоит непосредственно после глагола, на месте прямого дополнения), исчезновение предлога *to* (маркировка тройки; английская 2 ничем не маркируется) и дальнейшее поведение *Mary* как 2. См. пассивные варианты 15в, 15г:

15в) *A letter was sent to Mary by John.*

15г) *Mary was sent a letter by John.*

В 15в ("первый пассив") 2 становится 1, как было раньше замечено при обсуждении пассивизации; 3 остается без изменения. Но в английском языке существует и "второй пассив" 15г, в котором 3 как будто становится 1 и в результате получается пассивное предложение с прямым дополнением (*letter*), что является традиционной проблемой английской грамматики. Если, однако, признать продвижение 3 в 2, то все становится ясным. Предложение 15г является производным не от 15а, а от 15б; в 15б *Mary* не 3, а 2 и *letter* не 2, а 2. Когда 15б трансформируется в пассив, 2 (*Mary*) становится 1, как в обычном пассиве, и *letter* (2, больше не прямое дополнение) остается без изменения. Таким образом, 15г произведено той же трансформацией, что и любой другой пассив, и имеет не прямое дополнение, а шомёр-двойку. Итак, в пучке трансформационно связанных предложений 15 15а отражает исходную структуру, 15б иллюстрирует применение продвижения $3 \rightarrow 2$ к 15а, 15в иллюстрирует применение продвижения $2 \rightarrow 1$ (пассивизации) к 15а и 15г показывает результат применения к 15а продвижения $3 \rightarrow 2$ и дальнейшего продвижения этой новой 2 в 1 (или применения $2 \rightarrow 1$ к 15б).

В русском языке можно наблюдать действие продвижения $3 \rightarrow 2$ еще более ясно, так как изменения в реляциях сопровождаются (естественно) изменениями в падежах; однако это явление в русском очень ограничено и касается только небольшой группы глаголов, из которых многие уже устарели.

Из глаголов, имеющих активное употребление в современном языке, можно назвать глагол *обеспечивать*, который встречается с управлением кому что или кого чем, см. 16а/16б¹³:

16а) *Наш коллектив обеспечивает семена всей области.*

16б) *Наш коллектив обеспечивает всю область семенами.*

Здесь именная маркировка свидетельствует об изменении в грамматических отношениях: *область* переходит из дательного падежа (16а) в винительный (16б), т.е.

¹³ Этот пример построен на материале Апресяна [24, с. 131]. В той же работе можно найти много примеров двойного глагольного управления разных типов. Такие примеры в реляционной грамматике рассматриваются как продвижения.

3 становится 2; *семена* переходит из винительного падежа (16а) в творительный (16б), т.е. вытесняется из прямых дополнений и становится шомёром. Как и в случае с английскими примерами, пассивные варианты поддерживают предположение, что прямое дополнение меняется, см. 16в, 16г:

16в) *Нашим коллективом всей области обеспечены семена.*

16г) *Нашим коллективом вся область обеспечена семенами.*

Подлежащим при пассивизации в 16в становится и с х о д н а я двойка *семена*, а в 16г п р о и з в о д н а я двойка (бывшая тройка) область. Этим подчеркивается, что в 16б *область* больше не тройка, а новая двойка, согласно действию продвижения 3 → 2. Предложения типа 16г проливают также свет на статус аргумента, стоящего в творительном падеже, в предложениях типа 16б. Часто считается, что агент пассивного предложения (который выражается творительным падежом) и другой аргумент в творительном падеже несовместимы друг с другом (ср. 17):

17а) *Медведь был убит охотником.*

17б) *Медведь был убит ножом.*

17в) **Медведь был убит охотником ножом.*

Но из предложения типа 16г видно, что ограничение на присутствие двух аргументов в творительном падеже является более узким и касается сочетания агента с инструментом или, может быть, с любым исходным аргументом, выражающимся творительным падежом, т.е. с семантическим употреблением творительного падежа (например, в 17в). В 16г, наоборот выступает производное, условное, чисто синтаксическое употребление творительного падежа (выражение шомёра, порожденного действием продвижения 3 → 2) в сочетании с агентом, и присмелость таких предложений указывает на производность и несемантичность употребления творительного падежа в данных случаях, т.е. на шомёрство данных аргументов. В прошлом это продвижение имело в русском языке более широкое поле действия, и его можно было встретить при глаголах, которые ныне устарели, или при таком употреблении глаголов, которое теперь считается устаревшим (ср. примеры 18—21):

18а) *Его благородие мне жалует шубу с своего плеча: его на то барская воля* (Пушкин, Капитанская дочка).

18б) *Военный министр подошел, поздравляя его (Андрея) с орденом Марии-Терезиш 3-й степени, которым жаловал его император* (Толстой, Война и мир).

19а) *А я-то ему давеча двадцать пять целковых ссудил* (Достоевский, Идиот).

19б) *Приятель своего приятеля просил, чтобы бочкою его дни на три он ссудил* (Крылов, Бочка).

20) *Ссуди меня пятью рублями. Ссуди мне пять рублей. Сделай милость, ссуди меня, — я тебе возвращу* (Лесков).

21а) *Девушки с веселыми смеющимися лицами дарили танкистам цветы* (Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды).

21б) *Барыни дарили ее (Дуню), то платочком, то сережками* (Пушкин, Станционный смотритель). (Разрядка везде моя. — Ч.Р.).

В современном языке эти глаголы или считаются устаревшими, или потеряли способность вызывать данную трансформацию и в результате появляются только с исходным управлением *кому что* (например, *дарить*). Глагол *дарить* в конструкции с продвижением в основном заменяется в современном языке глаголом *одаривать*, но надо отметить, что сохраняются некоторые застывшие выражения, в которых и глагол *дарить* встречается в конструкции с продвижением, например, *дарить (кого) улыбкой* и т.д. Сужение поля действия этой трансформации в синхронном плане соответствует в диахроническом плане тенденции к постепенной утрате русским языком данного продвижения как продуктивного процесса, производящего еще один вариант предложения. Однако следы этого продвижения сохраняются, например, в глаголах типа *одаривать*, которые выступают только в производном употреблении с

обязательным продвижением. Есть и другие глаголы, которые, в отличие от *одаривать*, не связаны с глаголами, обнаруживающими исходный синтаксис, но тем не менее поддаются анализу как глаголы с продвижением, например, *снабжать*. По семантике этого глагола можно было бы ожидать, что он должен выступать в падежной рамке *кому что*, но в действительности он встречается только с управлением *кого чем*, т.е. его управление соответствует типичному управлению после продвижения 3 в 2. Поэтому предполагается, что в глубинной структуре этот глагол имеет 3 и 2, как и глагол *дарить*, и что он обязательно вызывает продвижение 3 → 2, как *одаривать*.

Третье продвижение, которое будет здесь рассмотрено, это продвижение местного аргумента в двойку. Это продвижение было замечено и описано в рамках реляционной грамматики на материале индонезийского языка в неопубликованной работе Чунг "Licative advancement in Bahasa Indonesia". В ней приводятся индонезийские примеры типа 22:

22a) *Wanita itu duduk di atas kursi*

женщина опред. арт. сидеть на верх стул

22б) *Wanita itu men-duduk-i kursi*

женщина опред. арт. ПЕРЕХ.-сидеть-МЕСТ стул

22в) **Kursi di-duduk(-i) di atas oleh wanita itu*

стул ПАСС-сидеть(-МЕСТ) на верх АГЕНТ женщина опред. арт.

22г) *Kursi di-duduk(-i) oleh wanita itu*

стул ПАСС-сидеть-МЕСТ АГЕНТ женщина опред. арт.

Исходное предложение дано в 22а, а в 22б — производный вариант с продвижением местного аргумента *kursi* в двойку. О продвижении *kursi* в 22б свидетельствует утрата предлога *di atas*, появление "залогового показателя" *-i* и показателя переходности *men-*.

Чунг также приводит аргументы, связанные с образованием относительных предложений, в пользу того, что *kursi* в 22б является прямым дополнением. В 22в сделана попытка образовать пассивный вариант от 22а. Это предложение, конечно, неграмматично, так как глагол в 22а — непереходный и прямое дополнение отсутствует и, следовательно, образовать пассив невозможно. Но пассивное предложение в 22г вполне приемлемо и нормально. Оно образовано от 22б применением пассивной трансформации; двойка *kursi* продвигается в единицу, глагол приобретает пассивный залоговый показатель *di-*и, естественно, теряет показатель переходности *men-*, так как глагол больше не переходный (прямое дополнение переводится в подлежащее и перестает играть роль прямого дополнения). Наличие залогового показателя *-i*, связанного с продвижением местного аргумента, и отсутствие предлога *di atas* указывают на деривационный путь через 22б (с продвижением), а не прямо от 22а (без продвижения). Подлежащим в 22г становится новое прямое дополнение, а именно, продвинутое *kursi* из 22б. В свою очередь, 22г подтверждает анализ 22б как результата продвижения в 2, так как эта новая 2 потом может быть продвинута в 1 пассивной трансформацией.

Подобное продвижение местного аргумента можно найти и в русском языке, хотя оно здесь менее продуктивно. Предполагается, что это продвижение вместе с пассивной трансформацией объясняет связь между пучками предложений в примерах 23—27:

23а) *На баржу грузили руду.*

23б) *Баржу грузили рудой.*

23в) *Руда грузилась на баржу.*

23г) *Баржа грузилась рудой.*

24а) *Сереза брызгает воду на белье.*

24б) *Сереза брызгает белье водой.*

24в) *Вода брызгается на белье.*

- 24г) *Белье брызгается водой.*
- 25а) *Рабочие настилают камни на пол.*
- 25б) *Рабочие настилают пол камнями.*
- 25в) *Камни настилаются на пол.*
- 25г) *Пол настилается камнями.*
- 26а) *Алик намазывает масло на хлеб.*
- 26б) *Алик намазывает хлеб маслом.*
- 26в) *Масло намазывается на хлеб.*
- 26г) *Хлеб намазывается маслом.*
- 27а) *Паша затыкает вату в уши.*
- 27б) *Паша затыкает уши ватой.*
- 27в) *Вата затыкается в уши.*
- 27г) *Уши затыкаются ватой.*

В парах "а/б" можно наблюдать эффект продвижения местного аргумента в русском языке. В предложениях "а" встречаются глаголы с прямым дополнением и местным аргументом, а в предложениях "б" — те же глаголы с новым прямым дополнением и с существительным в творительном падеже, т.е. местный аргумент предложения "а" становится прямым дополнением в предложении "б", вытесняя старое прямое дополнение, которое становится шумёром и маркируется творительным падежом. При продвижении предлог местного аргумента, конечно, теряется и продвинутый местный аргумент маркируется простым винительным падежом. В предложениях "в" и "г" представлены пассивные варианты предложений "а" и "б" соответственно; подлежащие в предложениях "в" и "г" различны, это зависит от того, что в предложениях "а" и "б" различны прямые дополнения, и, таким образом, предложения "в" и "г" подтверждают гипотезу, что происходит продвижение местного аргумента в прямое дополнение.

Здесь надо отметить, что некоторые явления, которые могут казаться связанными с продвижением МЕСТ $\rightarrow 2$, на самом деле представляют другое продвижение, МЕСТ $\rightarrow 1$, которое непосредственно превращает местный аргумент в подлежащее. Речь идет о примерах типа 28—30:

- 28а) *Гнев кипит в сердце.*
- 28б) *Сердце кипит гневом.*
- 29а) *Муравьи кишат в муравейнике.*
- 29б) *Муравейник кишит муравьями.*
- 30а) *Чистота сияет в доме.*
- 30б) *Дом сияет чистотой.*

Если бы в этих примерах местный аргумент сначала продвигался в 2, и потом эта новая 2 продвигалась в 1 через пассивную трансформацию, как в 23г — 27г, надо было бы ожидать в 28б — 30б пассивную форму глагола ("кипится" и т.д.) и пассивную семантическую интерпретацию; но ничего подобного нет. Данные предложения активны и по форме и по семантике, и нет никакого указания на то, что МЕСТ сначала продвигается в 2. Поэтому естественно предположить, что здесь мы имеем дело с другим продвижением МЕСТ $\rightarrow 1$. Шумёр (вытесненная 1), как и в других случаях, приобретает окончание творительного падежа. Это уже знакомое явление, оно указывает на интересное обобщение, которое не было и не могло быть замечено вне реляционной системы: в русском языке все шумёры, которые возникают в результате продвижения, маркируются творительным падежом. Без реляционных понятий, и особенно без понятия шумёра, невозможно было сделать это наблюдение и было бы непонятно, почему шумёр-единица от пассива, шумёр-единица от МЕСТ $\rightarrow 1$, шумёр-двойка от 3 $\rightarrow 2$ и шумёр-двойка от МЕСТ $\rightarrow 2$ — все имеют общую особенность — маркирование творительным падежом. Так как в русском языке действует этот общий закон маркирования шумёров, его не требуется упоминать

отдельно как часть каждого шомёропорождающего продвижения. (На это обстоятельство уже указывалось выше при обсуждении формулировки пассивной трансформации.) Благодаря этому общему правилу именного маркирования в русском языке перечень побочных эффектов обсуждаемых продвижений значительно укорачивается и формулировка продвижений значительно упрощается. Единственным побочным эффектом этих продвижений в русском языке, который требуется упомянуть, остается залоговая морфология глагола при пассивизации (это является вполне естественным явлением, см. обсуждение пассивизации выше).

При других продвижениях, обсуждаемых здесь, нет никаких побочных эффектов, никакой специфики; все автоматически вытекает из общих закономерностей языка. Итак, можно сформулировать описанные продвижения в русском языке в 31—34, имея в виду, конечно, что конкретный глагол или способен или неспособен вызывать данную трансформацию:

31) ПАССИВ: 2 → 1

побочный эффект: глагол выступает в "пассивной" форме

32) ПРОДВИЖЕНИЕ 3 В 2:3 → 2

33) ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 2 МЕСТ → 2

34) ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 1: МЕСТ → 1

Выделение вышеуказанной синтаксической функции творительного падежа (маркирование шомёров) также проливает свет на проблему значения творительного падежа. Функция этого падежа в русском языке не легко поддается анализу, и ученым еще не удалось установить его общее значение. Но если вышеописанный реляционный подход оправдан, он предлагает объяснение этой трудности. Прежние попытки установить значение творительного падежа были в основном семантическими, они были направлены на поиски с е м а н т и ч е с к и х инвариантов падежа. Однако, как можно было видеть выше, в значительной мере (и по частоте, и по функции) употребление этого падежа является ч и с т о с и н т а к с и ч е с к и м, а именно, он используется для маркирования шомёров; так как эти шомёры имеют разное происхождение, они представляют разные семантические категории, и поэтому семантический принцип объяснения не может их все охватить. Их может объединить только синтаксический признак (шомёрство), и таким образом оказывается, что функция творительного падежа отчасти семантическая и отчасти синтаксическая.

IV. РЕЛЯЦИОННАЯ ГРАММАТИКА КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

В настоящей статье в рамках реляционной грамматики обсуждались некоторые синтаксические продвижения (на материале русского, английского и индонезийского языков). Выяснилось, что к этим языкам различных типов применима в той или иной степени общая формулировка одних и тех же продвижений.

Предполагается, что законы и правила реляционной грамматики универсальны, а следовательно, действительны для всех языков. Но это не значит, что все правила применяются во всех языках или в одинаковой мере во всяком языке. Множество грамматических правил и приемов мыслится как фонд всех потенциально возможных правил и приемов, из которого данный язык берет ту или иную часть. Некоторое правило из этого набора может либо иметь очень широкое употребление в языке (ср. ПАССИВ в английском языке, ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 2 в индонезийском), либо применяться в ограниченной мере (ср. ПРОДВИЖЕНИЕ 3 В 2 в английском языке, ПАССИВ и ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 2 в русском), даже в очень ограниченной мере (ср. ПРОДВИЖЕНИЕ 3 В 2 в русском языке, ПРОДВИЖЕНИЕ МЕСТ В 1 в русском и английском языках). Время от времени набор правил может изменяться в связи с диахроническим развитием языка: область применения некоторого правила может расширяться или сужаться (ср. ПРОДВИЖЕНИЕ 3 В 2 в русском языке), язык может взять из указанного фонда новое правило или может отказаться от использования некоторого правила.

Правила в фонде сформулированы в терминах синтаксических реляций, и поэтому они в принципе применимы к любому языку. Фонд подчиняется некоторым общим закономерностям (законам), которые определяют, какие правила возможны в человеческих языках, а какие невозможны. Таким образом, возможные направления синтаксического изменения предопределены: язык может приобрести новое правило из данного списка, может расширить или сузить его применение или совсем утратить правило [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chomsky N. Syntactic structures. The Hague, 1957.
2. Katz J.J., Postal P.M. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass.), 1964.
3. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса // Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ. Серия переводов. 1972. Вып. 1.
4. Chomsky N. Deep structure, surface structure and semantic interpretation // Semantics. An interdisciplinary reader in philosophy, linguistic and psychology/Ed. by Steinberg D.D., Jakobovits L.A. Cambridge, 1971.
5. Chomsky N. Conditions on transformations // Festschrift for Morris Halle/Ed. by Anderson S.R., Kiparsky P. N.Y., 1973.
6. Lakoff G. Irregularity in syntax. N.Y., 1965.
7. Lakoff G. On generative semantics // Semantics. An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology/Ed. by Steinberg D.D., Jakobovits L.A. Cambridge, 1971.
8. Ross J.R. Constraints on variables in syntax: Ph. D. dissertation. Cambridge (Mass.), 1967.
9. Perlmutter D.M. Deep and surface structure constraints in syntax. N.Y., 1968.
10. Jackendoff R.S. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge (Mass.), 1968.
11. McCawley J.D. The role of semantics in a grammar // Universals in linguistic theory/Ed. by Bach E., Harms R.T. N.Y., 1968.
12. Emonds J.E. A transformational approach to English syntax: root, structure-preserving and local transformations. N.Y., 1970.
13. Bowers J.S. Grammatical relations: Ph.D. dissertation. Cambridge (Mass.), 1973.
14. Fillmore C.J. Toward a modern theory of case // Modern studies in English: Readings in transformational grammar/Ed. by Reibel D.A., Schane S.A. Englewood Cliffs, 1966.
15. Fillmore C.J. The case for case // Universals in linguistic theory/Ed. by Bach E., Harms R.T. N.Y., 1968.
16. Fillmore C.J. Some problems for case grammar // Report of the twenty-second annual round table meeting on linguistics and language studies. Washington, 1971.
17. Slavic transformational grammar/Ed. by Brecht R.D., Chvany C.V. Ann Arbor, 1974.
18. Chvany C.V. On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
19. Babby L.H. A transformational grammar of Russian adjectives. The Hague, 1975.
20. Syntax and semantics/Ed. by Cole P., Sadock J.M. V. 8. N.Y., 1977.
21. Шаумян С.К., Соболева П.А. Аппликативная порождающая модель и исчисление трансформаций в русском языке. М., 1963.
22. Klima E.S. // International journal of Slavic linguistics and poetics. 1973. IV. Rec.: Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
23. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
24. Channon R. Topics in a relational grammar of Russian: Ph. D. dissertation. Harvard University, 1977.